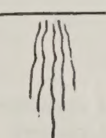

Въ ожиданіи казни.

(Разсказъ осужденнаго).

Нью-Іоркъ.

ПЕРВОЕ
РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЪ
АМЕРИКѢ.

Въ Ожиданіи Казни.

(Разсказъ осужденнаго).

Извѣстный революціонный дѣятель конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія, Григ. Гершуни, нынѣ покойный, оставилъ свои воспоминанія, написанныя имъ послѣ удавшагося побѣга изъ Акатуйской каторги. Въ нихъ ярко рисуются картины жизни въ неволѣ самоотверженныхъ подготовителей русской революціи, борцовъ за свободу русскаго народа, картины того, какъ тогдашнее правительство сводило съ ними счеты.

Изъ этихъ воспоминаній, изданныхъ въ Парижѣ въ 1908 году представляющихъ большой интересъ, но мало знакомыхъ широкимъ слоямъ читающей публики, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя наиболѣе яркія страницы.

Въ 1903 г. правительство было потрясено рядомъ покушеній, произведенныхъ членами партіи Боевой Организаціи на надежнѣйшихъ столповъ стараго режима: были убиты министръ внутр. дѣлъ Сипягинъ (Балмашевымъ) и уфимскій губернаторъ Богдановичъ (послѣдній за допущенный имъ разстрѣлъ Златоустовскихъ рабочихъ, потрясшій тогда ужасомъ всю страну), были произведены неудавшіяся покушенія на оберъ-прокурора Побѣдоносцева, на харьковскаго губернатора князя Оболенскаго (Качурой) и петербугскаго градоначальника фонъ-Валя (Гершковичемъ).

Гершуни подозрѣвался въ принадлежности въ партіи Боевой Организаціи и къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Дѣятельно слѣдившая за нимъ полиція долго не могла напасть на слѣдъ его. Наконецъ, въ маѣ 1903 г., когда Гершуни пріѣхалъ въ Кіевъ, чтобы наладить партійную типографію, его схватили и въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ отправили въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую Крѣпость—въ знаменитый въ лѣтописяхъ ея 46-ой померъ Трубецкого бастіона. Въ этомъ холодномъ, сыромъ, съ прогнившимъ воздухомъ, мрачномъ склепѣ Гершуни просидѣлъ 8 мѣсяцевъ пока длилось предварительное слѣдствіе по дѣлу о вмѣненной ему въ вину революціонной дѣятельности. Прямыхъ уликъ и доказательствъ противъ него не было. Все обвиненіе было построено на оговорахъ двухъ предателей, дававшихъ туманныя и сбивчивыя показанія. Дѣло подлежало разсмотрѣнію военнаго суда, и исходъ дѣла въ отношеніи Гершуни заранѣе было предрѣшенъ—смертная казнь.

Обвинительный матеріалъ былъ, въ смыслѣ бездоказательности, настолько легковѣсенъ, что возбудившее противъ Гершуни обвиненіе министерство внутр. дѣлъ принимало всякія мѣры, чтобы пролить свѣтъ на это дѣло. Въ крѣпость къ Гершуни неоднократно являлся, по порученію министра Плеве, вице-директоръ департамента полиціи Макаровъ, запугивавшій Гершуни предстоявшей смертной казью и сулившій ему жизнь цѣною нѣкоторыхъ признаній. Но Гершуни былъ стоекъ и непреклоненъ.

Судъ былъ назначенъ на 18 февраля 1904 г. Гершуни былъ переведенъ изъ крѣпости въ „предварилку", сообщавшуюся непосредственно съ Окружнымъ Судомъ, гдѣ временно долженъ былъ засѣдать судъ военный. Разборъ дѣла (къ которому, кромѣ Гершуни, были привлечены еще нѣсколько обвиняемыхъ) длился нѣсколько мучительныхъ дней. Защищалъ Гершуни Корабчевскій,—звѣзда петербургскаго адвокатскаго міра. Многія ложныя показанія свидѣтелей-измѣнниковъ партіи предававшихъ Гершуни, легко могли бы быть имъ опровергнуты, но для этого ему пришлось бы назвать—и тѣмъ самымъ погубить—нѣкоторыхъ товарищей. И обвиняемый, которому грозила смертная казнь, продолжалъ стойко молчать.

Передаемъ дальнѣйшій разсказъ самому Гершуни.

I.

Смертный приговоръ.

Судъ удаляется для совѣщанія! Г. приставъ, уведите подсудимыхъ!...—торжественно изрекаетъ предсѣдатель суда, баронъ Остенъ-Сакенъ.

Это было, кажется, на восьмой день, въ 11 часовъ утра.

Жандармы выстраиваются и насъ разводятъ по камерамъ.

„Судъ совѣщается"!... Что касается меня, то, пожалуй, можно бы и не совѣщаться, Дѣло ясно, т. е. не дѣло, а исходъ „дѣла"... Не зная, сколько они тамъ будутъ „совѣщаться", торопишься привести въ порядокъ свои дѣла—написать письма. Стараешься перехитрить подсматривающихъ надзирателей. Кое-какъ письма нацарапаны. Уже три часа, а они все еще „совѣщаются". Начинаешь испытывать нетерпѣніе. Чего они тамъ? Столько времени уже прошло! Спятъ что-ли? Темнѣетъ. Прислушиваешься къ каждому шороху. А! идутъ...

— На прогулку пожалуйте.

— Только-то? А я думалъ—болѣе далекую прогулку предложатъ...

Надзиратель опускаетъ глаза.

Ясный, морозный вечеръ. На небѣ ярко играютъ звѣзды. Подъ небомъ на вышкѣ ходитъ часовой. Для „прогулки" отведено маленькое ого-

роженное досками пространство шаговъ 15 длиной и 5 шириной, очень напоминающее мѣсто для загона скота. Ты виденъ только Богу да часовому, но самъ никого не видишь.

„Совѣщаются"... Ну, сегодня-то ужъ во всякомъ случаѣ кончатъ. А потомъ сколько еще пройдетъ? Пожалуй дня три-четыре еще протянется. Дадутъ свиданіе? Родители бѣдные, бѣдные!... Какъ-то они тамъ справятся со своимъ горемъ? Для нихъ то вѣдь это только горе. Товарищи... Дойдетъ ли къ нимъ письмо? Надо будетъ...

— Кончайте прогулку.

„Совѣщаются"... Прошла повѣрка. Отъ томительнаго ожиданія мысли принимаютъ какой-то уныло-хаотическій характеръ. Скучно... Какое странное настроеніе въ ожиданіи „приговора"! Надо лечь спать,—совѣщаніе-то, вѣрно, тоже спитъ . . .

Тихо, точно крадучись, отпираютъ дверь камеры.

— Въ судъ пожалуйте,—вставайте.

Посовѣщались... Обыскиваютъ еще тщательнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Часы бьютъ полночь. Говорятъ шепотомъ. Въ коридорѣ полумракъ. Лязгъ шашекъ, звонъ шпоръ, гулъ шаговъ. Нарядъ полиціи и жандармовъ усиленъ. Стоятъ почти сплошными шпалерами. Въ залѣ пусто. Угрюмо сидитъ только какой-то жандармскій генералъ. Изъ защиты явилась только молодежь. Лица у всѣхъ тревожныя. Глядя на нихъ, можно думать, что это они ждутъ приговора.

— Судъ идетъ!

У всѣхъ „судей" истомленныя, измученныя лица. „Вѣшать-то, видно, не сладко",—проносится злорадная мысль. Даже военный прокуроръ—знаменитый Павловъ—отсутствуетъ, приславъ своего помощника. Предсѣдатель Остенъ-Сакенъ блѣденъ, волосы взъерошены. Читается приговоръ. Вся зала стоитъ. Взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ предсѣдатель выбрасываетъ: каторжныя работы на 4 года, смертная казнь, арестантскія роты, смертная казнь, каторжныя работы на 10 лѣтъ...

— Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ послѣ завтра. Г-нъ приставъ, уведите подсудимыхъ!

Наскоро прощаемся съ защитой. Ведутъ обратно въ камеры. Чины полиціи и жандармеріи съ какимъ-то жуткимъ, тревожнымъ любопытствомъ смотрятъ на насъ. Всѣмъ имъ какъ-то не по себѣ, точно въ чемъ-то виноваты.

Камера. Стоишь въ недоумѣніи. Такъ это-то и есть смертный приговоръ?! Какъ просто! Почему же нѣтъ никакихъ такихъ особенныхъ чувствъ? Или они еще будутъ? Наскоро раздѣваешься и ложишься на койку. Только заснулъ, —сквозь сонъ слышишь, какъ опять открывается дверь камеры и кто-то будитъ тебя.

— Что такое, въ чемъ дѣло?

— Приказано одѣваться, сейчасъ поѣдете.

— Ночью-то? Куда-же поѣдемъ?

— Не могу знать,—приказано приготовиться.

Неужели сейчас на казнь повезутъ? Или, можетъ быть, нѣчто худшее?

Вывели на дворъ, усадили въ карету и подъ охраной жандармовъ повезли. Куда? Неизвѣстно! Черезъ минутъ двадцать карета остановилась,—оказывается, это привезли обратно въ крѣпость. „Ну, значитъ, не на пытку", облегченно думаешь, и, какъ къ себѣ въ домъ, идешь въ старую камеру. По дорогѣ встрѣчаетъ заспанный полковникъ—завѣдующій крѣпостью.

— Ну, что? чѣмъ кончилось?—тревожно спрашиваетъ онъ.

— Смертная казнь!—выкрикиваю нарочно громче, чтобы жандармы слышали.

У вояки лицо вытягивается и дѣлается такое испуганное, что невольно вызываетъ улыбку.

Теперь спать! А тамъ видно будетъ! Легъ, но заснуть не даютъ. Слышенъ какой-то беззвучный шепотъ (такъ „беззвучно" шептать умѣютъ только жандармы-тюремщики). Потомъ черезъ каждые нѣсколько минутъ—продолжительное и внимательное разглядываніе въ глазокъ двери. Ничто такъ не волнуетъ, какъ это надоѣдливое заглядываніе, невыносимое даже въ обычное время. Очевидно, приказано было тщательно слѣдить за „приговоренными". Какъ тутъ избавиться отъ этого? Даю звонокъ, является дежурный.

— Слушайте, голубчикъ! Я приговоренъ къ смертной казни, очень усталъ, спать до смерти хочется, но ваше подглядываніе въ глазокъ все не даетъ заснуть. Конечно, вы не виноваты,—вамъ приказали. Но подумайте сами,—чего вамъ глядѣть-то? Видите, я спокоенъ, ничего надъ собой не сдѣлаю, только и всего, что высплюсь, а?

Жандармъ попался хорошій. Растерялся, бѣдный, не знаетъ, что дѣлать.

— Помилуйте, господинъ, сами хорошо понимаемъ! Что будешь дѣлать? Служба такая проклятая!

На слѣдующее утро, только приготовился писать письма,—открывается дверь въ камеру: посланникъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, вице-директоръ Макаровъ! Опять, значитъ, съ какими-нибудь уговорами. Такъ и есть!

— Приговоръ вынесенъ,—заводитъ онъ рѣчь, —неужели вы такъ и думаете идти на висѣлицу?

— То есть?

— Да очень просто! Согласитесь сами, какой-же смыслъ лѣзть въ петлю? Ну, сдѣлали тамъ свое дѣло, провели, какъ вамъ хотѣлось, процессъ, выполнили, такъ сказать, свой долгъ. Дальше что же?

— А что?

— Да вѣдь вы въ загробную жизнь, надѣюсь, не вѣрите? Какой же смыслъ умирать? Выполните формальность! Подумайте: простая вѣдь формальность! Ну, тамъ, прошеніе, заявленіе,—называйте, какъ хотите,—что въ этомъ можно дурного найти? И отъ васъ не требуется никакихъ признаній, никакихъ раскаяній. Вѣдь вы обращаетесь не къ правительству, а къ верховной власти. А верховная власть, какъ хотите, великое дѣло.

— Несомнѣнно. Для васъ всѣхъ, купающих-

ся въ лучахъ этой власти,—она великое дѣло, такъ какъ дастъ вамъ великія выгоды. Но для народа, для насъ,—въ оцѣнкѣ мы нѣсколько расходимся. Но дѣло-то, собственно, не въ этомъ. Вѣдь у насъ разговоръ былъ уже. За это время ничего не измѣнилось. Какія данныя для измѣненія рѣшенія?

— Тогда требовались показанія, теперь рѣчь идетъ только о прощеніи.

— Только? А вамъ неизвѣстно, что у насъ подача прошенія о помилованіи считается самымъ позорнымъ преступленіемъ? Бросимъ это.

— Вы меня извините, но я по человѣчеству не могу оставить это дѣло въ такомъ положеніи. Я знаю, меня вы не послушаетесь, такъ я васъ долженъ предупредить: рѣшено вызвать вашихъ родныхъ, поручить имъ склонить васъ.

— Вотъ что. Говорю вамъ и передайте кому нужно: я безусловно запрещаю вмѣшивать въ это дѣло родныхъ. Это будетъ уже настоящимъ звѣрствомъ: вѣдь вы хорошо знаете, что ничего не добьетесь, зачѣмъ же причинять имъ еще лишнія страданія? Если вы честный человѣкъ,—вы должны родныхъ оставить въ сторонѣ.

Въ Макаровѣ какъ будто что-то шевельнулось.

— Хорошо, я постараюсь выполнить ваше желаніе,—глухо проговорилъ онъ и вышелъ изъ камеры.*)

*) Противъ ожиданія, Макаровъ выполнилъ свое обѣщаніе—съ родными не говорилъ.

На завтра опять повезли въ предварилку. Уже поздно вечеромъ, въ субботу, снова выстроили въ коридорѣ и повели для выслушанія приговора въ окончательной формѣ. Въ залѣ никого не было, кромѣ защиты. Прочли пространный приговоръ. Раздается приказъ:

— Г-нъ приставъ, уведите осужденныхъ...

Послѣдній разъ! Больше уже въ этой залѣ не придется бывать. Распрощались съ защитой, распрощался съ товарищами по процессу. Въ холодномъ сводчатомъ коридорѣ тускло и уныло. Тускло и уныло на душѣ. Давитъ одиночество: „на міру и смерть красна". Да, на міру красна! Но какъ сѣра она здѣсь, на задворкахъ, вдали отъ всего живого! Какъ мучительно хочется видѣть близкое лицо! Одинъ хоть сочувственный взглядъ—какъ онъ поднялъ-бы настроеніе! Какъ завидуешь старымъ бойцамъ, имѣвшимъ счастье умирать открыто, оставляя однимъ любовь, другимъ кидая презрѣніе! А теперь!... Ночью выведутъ на дворъ. Палачъ, нѣсколько жандармовъ... Задушатъ и бросятъ тутъ же въ яму... Горькая судьба русскаго революціонера! Во время „работы", какъ травленный звѣрь преслѣдуемъ жандармами. Въ тюрьмѣ охраняемъ жандармами. На слѣдствіи допрашиваемъ жандармами, на судѣ окруженъ жандармами, на эшафотѣ казненъ жандармами, и послѣдній вздохъ, послѣдній привѣтъ товарищамъ-борцамъ и несчастной родинѣ перехватывается жандармами.

Усталымъ, тоскливымъ взоромъ скользишь по обнаженнымъ шашкамъ и безконечнымъ мунди-

[illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]

рамѣ, и передъ тобой поднимается, все больше и больше разростаясь, какъ бы символъ несчастій страны—громадныхъ размѣровъ жандармъ. Онъ все увеличивается, увеличивается, необъятныя лапы охватываютъ бьющуюся и стонущую Россію. Надъ разросшимся до неимовѣрныхъ размѣровъ жандармомъ—лозунгъ россійскаго исконнаго начала: „все для жандармовъ и все посредствомъ жандармовъ”...

II.

Въ ожиданіи казни.

Были первыя числа марта. Повѣяло тепломъ. Началась оттепель. Днемъ солнце сильно грѣло и птички весело чирикали за желѣзными рѣшетками. Сколько придется ждать, пока закончатъ всѣ формальности? Пожалуй, нѣсколько дней еще пройдетъ? Но какъ хорошо, что теперь уже больше не будутъ таскать по судамъ! Да и тревожить-то уже больше, повидимому, никто не будетъ...

Кончился судъ вражескій; теперь-то только начинается настоящій нелицепріятный судъ — судъ собственной совѣсти, судъ надъ самимъ собой. Судъ строгій и безжалостный!

Не разъ, конечно, приходится сознательному революціонеру снова и снова перебирать: правиленъ-ли тотъ путь, по которому онъ идетъ? Не разъ мучительныя тревоги и тяжелыя сомнѣнія, какъ червь, заползаютъ въ душу и поднимаютъ все тотъ же жгучій вопросъ: нѣтъ ли другихъ, менѣе тяжелыхъ, менѣе тернистыхъ путей для достиженія блага и счастья трудящагося класса? Неизбѣженъ-ли единственный путь тотъ, на который сталъ ты?

И сколько-бы разъ ты для себя ни рѣшалъ, что да, тотъ путь правильный, да, тотъ путь единственный; какъ бы спокойно и увѣренно во все время борьбы ни шелъ по избранному пути, все-же, когда твой путь пришелъ уже къ концу, и,—какъ естественный результатъ этого конца,—въ лицо тебѣ дышетъ холодъ раскрытой могилы, въ этотъ моментъ вся пройденная жизнь властно встаетъ передъ тобой и грозно, неумолимо требуетъ отвѣта: такъ ли ты распорядился мной, чтобы я радостно, безъ сожалѣнія могла переступить грань, отдѣляющую меня отъ смерти?...

Медленно, шагъ за шагомъ, проходишь свою жизнь. И какое блаженное спокойствіе охватываетъ тебя, когда, послѣ упорныхъ, долгихъ и страстныхъ исканій, съ твердой вѣрой говоришь суровой истицѣ-совѣсти: „ты можешь быть спокойна,—твой путь былъ вѣренъ и награда за сужена: прими эту награду какъ должное”.

И когда ты произносишь надъ собой этотъ приговоръ,—всѣ остальные приговоры начинаютъ

казаться такими мелочными, ничтожными! Счеты съ жизнью кончены и кончены хорошо!

Теперь остается выполнить послѣднее: спокойно по этому счету уплатить. Стараешься свыкнуться съ внѣшней стороной. Рисуешь себѣ картину казни. И каждый разъ дрожь проходитъ по тѣлу и становится нестерпимо жутко, когда доходишь до момента выбрасыванія палачомъ табуретки изъ-подъ ногъ и сжиманія горла веревкой. Изучаешь литературу предмета по книгамъ, которыя удается достать въ тюремной библіотекѣ. Оказывается, если петля приходится неудачно, смерть наступаетъ очень медленно. Многое зависитъ отъ силы паденія тѣла. „Наилучшій" способъ ирландскій: тамъ повѣшеннаго бросаютъ съ высоты 3—4 саженей и смерть наступаетъ почти мгновенно отъ разрыва позвоночника.

Какой-то нѣмецкій профессоръ даже изобрѣлъ расчетъ, какъ лучше вѣшать: на каждый фунтъ вѣса тѣла что-то около дюйма веревки извѣстной толщины. Впрочемъ, добавляетъ гуманный ученый застѣнка, и это не всегда обезпечиваетъ мгновенную смерть, такъ какъ весьма часто попадаются отклоненія въ крѣпости связокъ позвоночника. Теперь, вотъ вопросъ: есть ли у тебя отклоненіе или нѣтъ у тебя отклоненія?

Съ завистью думаешь о разстрѣляніи. Вотъ хорошая смерть! Стрѣлять-то ужъ хорошо пострѣляютъ, но повѣсить русскіе жандармы, конечно, толкомъ не сумѣютъ, и какая-нибудь заминка

ужъ непремѣнно выйдетъ.*) Постоянная мысль о казни и обдумываніе всѣхъ подробностей въ концѣ концовъ пріучаютъ тебя и къ внѣшней сторонѣ. Труднѣе сжиться съ существомъ дѣла. Никакъ не представляешь себѣ смерть—небытіе. Вотъ, все есть—и тѣло, и мысли, и желанія, и любовь, и надежды—и вдругъ ничего этого не станетъ! Но что же будетъ? Сонъ? Смотришь на свое тѣло, щупаешь себя и все стараешься представить себѣ, какъ это будетъ **тогда?** И какъ же это? Никогда? Никогда больше не узнаешь, что дѣлается на свѣтѣ, чѣмъ кончилась борьба? И не будетъ никакихъ мыслей, никакихъ тревогъ, никакихъ надеждъ? Какъ странно!...

А впрочемъ, что тутъ страннаго? Заснулъ, только и всего! Заснулъ и не проснулся—ничего страннаго нѣтъ. Чего тутъ бояться? Все равно, что темноты бояться—глупо-же это! Бояться нечего, бояться глупо, но безконечное ожиданіе тревожитъ и томитъ. Когда-же, наконецъ? Въ крѣ-

---

*) Позже, сидя уже въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, узналъ, что это недовѣріе къ русскимъ жандармамъ правильно: въ Россію вѣшаютъ отвратительно и звѣрски. Рѣдко казнь протекаетъ безъ какихъ-нибудь мучительныхъ осложненій: жертва бьется въ петлѣ иногда 10-20 минутъ! Степана Балмашева палачъ держалъ за ноги, такъ какъ послѣднія упирались въ помостъ эшафота. При казни Ивана Каляева произошла, вслѣдствіе неумѣлости и небрежности, такая ужасная сцена: палачъ не сумѣлъ какъ слѣдуетъ накинуть петлю, и Ив. Ил. такъ долго бился въ судорогахъ, что присутствовавшій при этомъ начальникъ штаба корпуса жандармовъ бар. Медемъ грозилъ палачу разстрѣломъ, если не прекратитъ муки повѣшеннаго. Гершковичъ былъ вынутъ изъ петли черезъ 30 минутъ, и сердце еще слабо билось.

постной библіотекѣ раздобылъ сочиненія Щедрина и на нихъ мысль отдыхала. Какой безконечный источникъ бодрости, любви и ненависти. Главное—жгучей, непримиримой, проникающей все существо ненависти къ старому строю и безпредѣльной любви къ страдальцу этого строя—трудовому народу. И непримиримость, хвалебный гимнъ непримиримой борьбѣ.

Прошла недѣля, другая. Всѣ формальности кончены. Приговоръ находится у Плеве, и каждую минуту можетъ быть отданъ на исполненіе. Чего они медлятъ?

Казнь, конечно, состоится въ Шлиссельбургѣ. Когда туда повезутъ? Вѣроятно, вечеромъ. И каждый вечеръ послѣ повѣрки ждешь: вотъ, вотъ откроется дверь, принесутъ платье—пожалуйте! И долго, долго лежишь такъ на койкѣ, трепетно прислушиваясь къ малѣйшему шороху—не идутъ ли? Часто раздаются шаги, часто подходятъ къ двери,—но все мимо. Подъ конецъ засыпаешь тревожнымъ, отъ малѣйшаго шума прерывающимся сномъ. Подъ утро съ удивленіемъ смотришь—еще нѣтъ? Ну, значитъ, сегодня навѣрное...

III.

Отъ смерти къ жизни.

Прошло **три недѣли** со времени приговора. Была середина шестой недѣли поста. На страстной и святой вѣшать нельзя. Стало быть, на этой

шестой должны во что-бы то ни стало кончить. Но серединѣ недѣли пришелся какой-то праздникъ,—словомъ, выходило такъ, что 16-е марта я считалъ послѣднимъ днемъ пребыванія въ Петропавловской. По моимъ разсчетамъ, если казнятъ теперь, то это должно быть въ эту ночь—съ 16 на 17-ое.

Насталъ вечеръ. Осмотрѣлъ, въ порядкѣ-ли морфій *), настроился на соотвѣтствующій ладъ, жду. Прошла повѣрка. Въ крѣпости стало тихо, какъ бываетъ только въ тюрьмѣ. Былъ десятый часъ вечера. Чутко прислушиваюсь, нѣтъ-ли какого движенія. Среди мертвой тишины въ коридорѣ вдругъ слышенъ гулъ шаговъ. Шаги быстрые, властные, ясно приближающіеся къ моей камерѣ. У самой двери слышенъ голосъ:

— Вотъ сюда, ваше превосходительство!

Гремитъ открываемый засовъ, за нимъ замокъ, широко распахивается дверь. Быстро входитъ полковникъ, за нимъ предсѣдатель суда Остенъ-Сакенъ; въ коридорѣ видны жандармы. „При чемъ тутъ предсѣдатель суда?—проносится въ головѣ.—Неужели онъ будетъ присутствовать при казни?"...

— Здравствуйте, г-нъ Гершуни,—раздается его мягкій басъ. Онъ крайне взволнованъ, грудь

*) Передъ арестомъ я былъ въ полной увѣренности, что послѣ приговора будутъ пытать. Не зная напередъ, до какого предѣла сумѣешь держаться, обезпечилъ себя достаточнымъ количествомъ этого яда, который удалось спасти отъ всѣхъ утонченныхъ обысковъ.

высоко дышетъ. Лицо какое-то особенное. Онъ подошелъ близко, близко, и какимъ-то торжественнымъ тономъ говоритъ:

— Я привезъ вамъ высочайшую милость! Жизнь вамъ дарована!

Слова эти врѣзались въ память. Тогда—точно ножемъ полоснули.

Мнѣ хотѣлось крикнуть, что не надо мнѣ ихъ „милостей", но у него былъ такой непритворно блаженный видъ, онъ такъ искренно считалъ себя посланникомъ неба, несущимъ вѣсть избавленія, что у меня языкъ не повернулся сказать ему дерзость.

— Я объ этомъ не просилъ, вы это знаете? —только спросилъ я.

— Да, я знаю.

Онъ вышелъ. Нѣсколько секундъ я простоялъ безъ движенія. Потомъ, какъ стоялъ у койки, тихо, незамѣтно для себя опустился на нее. Все тѣло начало дрожать. Сначала слабо, постепенно все сильнѣе и сильнѣе. Руки такъ дрожали, что съ невѣроятной силой впились въ одѣяло. Зубы выбивали дробь. Весь похолодѣлъ, затѣмъ сразу облился холоднымъ потомъ. Хорошо помню: мыслей никакихъ въ головѣ не было.

Такъ, въ какомъ-то странно-подавленномъ состояніи прошло, вѣроятно, съ полчаса. Весь, какъ будто, застылъ и окаменѣлъ. Чувствовалась такая разбитость и слабость, что, несмотря на невѣроятную усталость, какъ будто не было силъ лечь на

койку, на которой я сидѣлъ безжизненной массой. Холодъ смѣнился жаромъ. Все тѣло буквально горѣло. Легкое тюремное одѣяло казалось нестерпимой. Во рту испытывалась мучительная сухость. Всю ночь пролежалъ съ открытыми глазами, съ какимъ-то дикимъ вихремъ мыслей въ головѣ.

Сразу не охватывалось все значеніе происшедшаго. Чувствовалась какая-то безпомощность, неподготовленность къ чему то большому, большому. Образовалась какая-то огромная пустота. Все время настраивалъ себя на извѣстный ладъ. Всѣ старанія были направлены на то, чтобы пріучить мыслить себя внѣ жизни. До извѣстной степени этого добился: жизни не существовало—вся жизнь была грядущей смертью; только мысль о смерти питала жизнь.

И вотъ, когда все существо, всѣ чувства и мысли послѣ большихъ стараній направлены въ извѣстную сторону, въ моментъ наивысшаго напряженія и ожиданія именно этой стороны,—васъ поворачиваютъ сразу, безъ предупрежденія, въ другую. Перейти неожиданно отъ смерти къ жизни, быть можетъ, еще болѣе трудно, чѣмъ отъ жизни къ смерти.

Но... жизнь получена, „дарована", надо какое-нибудь употребленіе изъ нея дѣлать!...

Начинаешь заново налаживать жизнь къ жизни. Если бы новорожденный все сознавалъ и мыслилъ, онъ, вѣроятно, переживалъ бы нѣчто соотвѣтствующее. Но радости жизни не было.

Было одно обстоятельство, заставлявшее сильно колебаться въ оцѣнкѣ полученнаго „дара".

Тогда къ казнямъ Россія еще не привыкла. Казнь всѣхъ давила, всѣхъ волновала, передъ всѣми стояла, какъ живой укоръ. И всѣмъ бывало стыдно. Стыдно правительству, совершавшему казнь, стыдно обществу, допускавшему казнь и сидѣвшему спокойно, когда другіе гибли на эшафотѣ. Трупъ казненнаго лежалъ пропастью между обществомъ и правительствомъ. На послѣднемъ горѣла печать палача, оно вызывало къ себѣ ненависть, презрѣніе и отвращеніе.

Но вотъ казнь отмѣняется, „дарується" жизнь, и вся тревожная атмосфера разрѣжается. Всѣ начинаютъ себя чувствовать легко. Куда-то далеко, далеко отлетаетъ сознаніе, что, вѣдь, русское правительство осталось тѣмъ же, чѣмъ было, что ни одинъ грѣхъ не искупленъ, что ничего тутъ не произошло такого, что могло бы смягчить отношеніе къ этому правительству.

Это одно. Но въ настоящемъ случаѣ были спеціальныя условія. Характеръ предательства былъ таковъ, что при желаніи давалъ богатую пищу для развѣнчанія революціоннаго теченія вообще. Конечно, исторія достаточно научила, что нельзя принимать на вѣру показаній предателя, и ни одинъ **добросовѣстный** противникъ этимъ пользоваться не будетъ. Но стоитъ только „щепетильность" откинуть въ сторону, дѣлать видъ, что повѣрилъ предателямъ—и на этой канвѣ вы можете вышивать какіе вамъ угодно узоры...

Вотъ эта-то боязнь, что предательство двухъ лицъ въ дѣлѣ, ихъ продиктованныя жандармами показанія о томъ, что ими воспользовались, какъ пушечнымъ мясомъ, скрывшіеся за ихъ спиною руководители, будутъ недобросовѣстно использованы,—заставляла желать казни: черезъ трупъ не всякій рѣшится переступить для такихъ цѣлей.

Но зато, съ другой стороны, жизнь досталась въ такой моментъ, когда все внутри тебя кричало, что близокъ часъ спасенія Россіи, что тебѣ это спасеніе доведется увидѣть своими собственными глазами. Война (русско-японская) только началась, а уже передъ страной открылись зловѣщія язвы стараго строя, которыя народу приходится поливать своей кровью. И то, что раньше для большинства было скрыто и ясно было только немногимъ, теперь обнаружилось и ясно стало всѣмъ. И даже этотъ столпъ, главный китъ, на которомъ спала убаюканная совѣсть народной массы—мощь и непобѣдимость россійскаго оружія—этотъ таинственный Молохъ, которому страна безропотно отдавала все, вплоть до своей крови, и **онъ** зашатался, и онъ разбился вдребезги при первомъ же испытаніи...

IV.

Какъ казнили въ прежней Россіи.

Какъ мы уже знаемъ, все обвиненіе противъ Гершуни было построено на показаніяхъ предателей—прежнихъ партійныхъ товарищей. Иныхъ

явныхъ доказательствъ не было. Поэтому вынесенный военнымъ судомъ смертный приговоръ самому суду показался чрезвычайно суровымъ, судъ ходатайствовалъ о помилованіи обвиненнаго, помилованіе было даровано, и смертная казнь была замѣнена Гершуни безсрочнымъ одиночнымъ заключеніемъ.

Въ іюлѣ того же года въ царской семьѣ родился наслѣдникъ. Милости манифеста, изданнаго по этому поводу, коснулись и арестантовъ. Но Гершуни манифестъ этотъ оказалъ плохую услугу: онъ былъ переведенъ изъ Петропавловской Крѣпости въ Шлиссельбургскую безъ смягченія наказанія. Если бы его оставили въ Петропавловской Крѣпости, то по манифесту пришлось бы срокъ наказанія ему сократить и изъ разряда безсрочныхъ перевести его въ разрядъ четырнадцатилѣтняго заключенія. Шлиссельбургская же тюрьма была единственнымъ мѣстомъ въ Россіи, котораго льготы и милости царскихъ манифестовъ не касались. И правительство поспѣшило упрятать туда своего злѣйшаго врага. Мѣсто это было надежное: попасть въ этотъ каменный мѣшокъ было равносильно тому, чтобы быть заживо погребеннымъ. Условія жизни, разумѣется, были ужасныя. За всѣ 22 года (съ 1884 по 1905 г.) въ теченіе которыхъ „политическіе" заключались въ Шлиссельбургскую тюрьму, тамъ перебывало 68 человѣкъ; живыми выбрались лишь шесть, большая часть остальныхъ погибла въ этомъ царствѣ россійской законности или покончили съ собой, выйдя изъ него больными: 13 были разстрѣляны

и повѣшены въ стѣнахъ тюрьмы, четверо тамъ-же покончили сами съ собой, трое застрѣлились вскорѣ послѣ освобожденія, четверо сошло съума и 15 умерло отъ чахотки, цынги и другихъ болѣзней въ стѣнахъ тюрьмы. Чтобы погубить такимъ образомъ нѣсколько десятковъ людей, правительство держало обширный штатъ тюремщиковъ и жандармовъ и на содержаніе тюрьмы тратило милліоны народныхъ денегъ (съ 1884 по 1905 г. было истрачено свыше двухъ милліоновъ рублей). Въ 1905 г. эта, знаменитая въ лѣтописяхъ русскаго освободительнаго движенія, тюрьма, гдѣ томились и гибли мученики русской революціи, была, наконецъ, закрыта, и послѣдніе пять узниковъ, въ томъ числѣ Гершуни, были перевезены въ Московскую Бутырскую тюрьму, а затѣмъ на Акатуйскую каторгу.

Въ Москву узники ѣхали подъ охраной прежнихъ стражей—Шлиссельбургскихъ жандармовъ. На прощанье ночью въ вагонѣ жандармы эти разговорились со своими арестантами, которымъ они сочувствовали, но съ которыми въ тюрьмѣ они говорить не смѣли. Тутъ на прощанье они дали волю языку и многое повѣдали, чему имъ пришлось быть въ тюрьмѣ свидѣтелями. Между прочимъ, разсказали они и о томъ, какъ совершались въ тюрьмѣ казни. Всѣ они присутствовали при казняхъ въ Шлиссельбургѣ, при послѣднихъ минутахъ жизни казненныхъ, и поэтому разсказы ихъ, какъ очевидцевъ являются вполнѣ достовѣрными.

Вотъ что записалъ съ ихъ словъ Гершуни.

Степана Балмашева привезли въ тюрьму утромъ, часовъ въ 10, и провели въ канцелярію. Держалъ онъ себя твердо, спокойно. Не доходя канцеляріи, увидавъ новую тюрьму, началъ размахивать шляпой. Днемъ пилъ чай и обѣдалъ. Вечеромъ его провели въ старую тюрьму и помѣстили въ одной изъ камеръ, недалеко отъ камеры, гдѣ уже подъ замкомъ сидѣлъ **палачъ**.

— Когда нужно будетъ, не забудьте меня разбудить,—съ насмѣшкой сказалъ Балмашевъ дежурному и легъ спать.

Часа въ 4 утра въ его камеру явился товарищъ прокурора Окружного Суда „со свитой". Балмашевъ спалъ, и его долго не могли добудиться. Наконецъ, онъ пріоткрылъ глаза и досадливо спрашиваетъ.

— Ну, что? Чего вамъ тамъ нужно?

— Вы такой-то?

— Я!

— Вамъ извѣстно, что вы приговорены с.-петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни?

— Извѣстно.

— Приговоръ вошелъ въ силу и сейчасъ будетъ приведенъ въ исполненіе.

— А, да! Ну, хорошо, хорошо!...

Опять легъ на подушку, закрылъ глаза и какъ бы заснулъ. Его снова разбудили.

— Да вставайте-же! Уже все готово!

— Хорошо, хорошо Вотъ сейчасъ!

Снова ложится. И такъ нѣсколько разъ. Наконецъ, приподнялся и съ усмѣшкой говоритъ:

— Такъ вставать? Все готово? Ну, вставать, такъ вставать!

Онъ оглядываетъ камеру. Передъ нимъ въ вицъ-мундирѣ представитель закона—прокуроръ. Дальше—исполнитель закона, палачъ Филипьевъ. Онъ весь съ ногъ до головы въ красномъ: красная шапка, красная блуза, красные шаровары. Въ одной рукѣ веревка, въ другой плеть. Лицо звѣрское—сѣрое, одутловатое, съ мутными налитыми кровью глазами. Онъ подходитъ вплотную къ своей жертвѣ, поднимаетъ надъ головой плеть и рычитъ:

— Руки назадъ! Запорю при малѣйшемъ сопротивленіи!...

Веревкой скручиваютъ руки и шествіе направляется изъ камеры въ маленькій дворикъ, между крѣпостной стѣной и старой тюрьмой—у Іоанновской башни. Тамъ уже „все готово". Эшафотъ, тутъ же вырытая яма, у нея черный ящикъ-гробъ. Дворикъ наполненъ начальствомъ и жандармами. Балмашева вводятъ на эшафотъ. Секретарь суда читаетъ приговоръ. На эшафотъ поднимается священникъ съ крестомъ. Балмашевъ мягко отстраняетъ его:—„Къ смерти я готовъ,—говоритъ онъ,—но передъ смертью лицемѣрить, батюшка, я не хочу".

Мѣсто служителя Бога занимаетъ служитель царя—палачъ. Балмашевъ стоитъ прямо и спо-

койно, со своей постоянной слегка грустной, слегка насмѣшливой улыбкой на устахъ.

Палачъ накидываетъ на голову саванъ, затѣмъ петлю. Ударомъ ноги вышибаетъ доску, тѣло грузно падаетъ внизъ, Раздается глухой стонъ. Веревка натягивается и трещитъ. Тѣло вздрагиваетъ и передергивается судорогами. Ноги упираются въ помостъ, и поэтому смерть идетъ медленно. Палачъ крѣпко обхватываетъ тѣло и съ силой дергаетъ внизъ. Присутствовавшихъ охватываетъ ужасъ. Жутко, гадливо, стыдно.

Раннее ясное утро. Солнце только что поднялось, и его мягкіе золотистые лучи скользятъ по перекладинамъ висѣлицы. Кругомъ свѣжая яркая зелень. Птички весело чирикаютъ, съ озера доносится пискъ чайки. А люди въ мундирахъ, съ орлами на пуговицахъ, угрюмо стоятъ, потупивъ глаза, блѣдные, взволнованные, и ждутъ, пока тѣло, облаченное въ саванъ и повисшее на веревкѣ, перестанетъ вздрагивать. Ждутъ долго — безконечно долго—до получасу.

Палачъ принимаетъ, наконецъ, въ свои объятія тѣло, обрѣзываетъ веревку, кладетъ трупъ на помостъ. Подходитъ докторъ, слушаетъ сердце—все въ порядкѣ: сердце не бьется. Трупъ кладутъ въ ящикъ, обсыпаютъ известью, покрываютъ крышкой. Ударъ молота злобно прорѣзываетъ утренній воздухъ: то прибиваютъ крышку гроба. Ящикъ опускаютъ въ вырытую тутъ же яму, засыпаютъ, подравниваютъ землю и медленно, стыдясь глядѣть другъ другу въ глаза, расходятся.

Царское правосудіе свершилось.

Тюрьма наша въ это раннее утро не спала. Появленіе Степана Балмашева было замѣчено. Было замѣчено также, что на дворикѣ старой тюрьмы сколачиваютъ что то изъ досокъ.

„Эшафотъ строятъ",—прожгла всѣхъ мысль.

Всю ночь стояли у оконныхъ рѣшетокъ. Видѣли, какъ подъ утро въ старую тюрьму прошло начальство. Черезъ часъ въ церковный садикъ изъ старой тюрьмы прошелъ старикъ священникъ. Согнутый, жалкій, еле передвигая ноги, безпомощно опустился онъ на скамейку, склонивъ голову на упиравшіяся въ колѣни руки. Черезъ нѣкоторое время чуткое ухо услышало отдаленный звукъ—различило ударъ молота о желѣзный гвоздь, и тюрьмѣ все стало ясно!

. . . .

Почти ровно черезъ три года произошла вторая казнь—И. П. Каляева. Палачемъ былъ тотъ же Филипьевъ. По описанію жандармовъ это удивительное созданіе. Былъ когда то офицеромъ, совершилъ какое-то невѣроятно гнусное преступленіе, былъ приговоренъ къ смертной казни, но за готовность быть палачемъ политическихъ—помилованъ. Для Балмашева долго искали палача, пока, наконецъ, не напали на Филипьева, сидѣвшаго тогда въ какой то кавказской тюрьмѣ. Его подъ конвоемъ доставили въ Шлиссельбургъ.

Все время, въ ожиданіи исполненія своихъ обязанностей, онъ большими стаканами пьетъ водку. Образъ совершенно звѣриный. И этотъ

человѣкъ, несмотря на то, что получаетъ за каждый „выѣздъ" по 100 руб., невѣроятно тяготится своими обязанностями. По службѣ быстро теперь повышается. На казнь Каляева пріѣхалъ уже подъ охраной одного только жандарма, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ,—на казнь Гершковича и безъ всякой охраны: заслужилъ довѣріе власти.

Маленькая, почти невѣроятная подробность: послѣ казни Каляева, Филипьевъ началъ ходить **въ офицерскомъ мундирѣ, съ Георгіемъ въ петличкѣ.** Въ такомъ видѣ онъ прибылъ въ сентябрѣ на казнь Гершковича, крайне смутивъ жандармовъ. Это—невинная слабость „старика", на которую доброе начальство смотритъ сквозь пальцы. Филипьевъ просилъ разрѣшить ему это „единственное утѣшеніе", и начальство рѣшило исполнить просьбу полезнаго человѣка. Офицеръ, съ Георгіемъ въ петличкѣ, пріѣзжаетъ въ тюрьму съ маленькимъ узелкомъ, въ которомъ увязанъ его настоящій мундиръ—красное одѣяніе, плеть и веревка.

И. П. Каляева привезли не въ канцелярію, а въ пріемную, въ манежѣ. Тамъ онъ пробылъ цѣлый день. Долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ писать. Исписалъ цѣлый листъ бумаги, но послѣ нѣкотораго размышленія облилъ чернилами и изорвалъ. Потомъ легъ на койку; его знобило. Онъ попросилъ чего либо теплаго накрыться, замѣтивъ жандармамъ: „вы не думайте, что я дрожу отъ ожиданія смерти,—мнѣ просто холодно".

Днемъ изъ канцеляріи нѣсколько разъ ходилъ

къ нему какой то чиновникъ съ бумагами, повидимому, предлагать подписать прошеніе о помилованіи. Ночь Каляевъ провелъ здѣсь же, въ манежѣ. Подъ утро явились власти: прокуроръ, палачъ въ красномъ, жандармы и проч. Каляевъ былъ одѣтъ и не спалъ.

Прокуроръ объявилъ, что приговоръ скоро будетъ приведенъ въ исполненіе. Палачъ связалъ руки, двинулось шествіе къ мѣсту казни—въ дальній уголъ крѣпости, между манежемъ и баней. Каляевъ шелъ съ гордо закинутой назадъ головой, на эшафотъ поднялся твердо и спокойно. Крестъ цѣловать отказалася, но поцѣловалъ священника. „Я вижу въ васъ просто добраго человѣка",—сказалъ онъ.

Палачъ и на этотъ разъ оказался россійскимъ палачемъ. Петля была накинута скверно, и тѣло билось въ судорогахъ. Картина была такая потрясающая, что присутствовавшій при казни начальникъ штаба корпуса жандармовъ, баронъ Медемъ, закричалъ на палача: „я тебя, каналья, прикажу разстрѣлять, если сейчасъ не прекратишь страданій осужденнаго".

Черезъ полчаса тѣло вынули изъ петли, положили въ черный ящикъ и закопали за крѣпостной стѣной у Іоанновской башни. Зимой тамъ лежатъ дрова, лѣтомъ пасется скотъ. Тамъ похоронены всѣ умершіе и казненные въ Шлиссельбургѣ, кромѣ Балмашева. Могильныхъ насыпей нѣтъ. Все сравненно съ землей.

Послѣднія двѣ казни были въ сентябрѣ 1905 года. О нихъ мы долгое время даже не догады-

вались. То были казни Васильева и Гершковича. Слѣдуетъ отмѣтить, что рабочій Васильевъ не былъ „политическимъ". Въ нетрезвомъ видѣ, изъ личныхъ побужденій, онъ застрѣлилъ околоточнаго. Но это совпало съ диктатурой Трепова, когда власти во что бы то ни стало нужна была для острастки казнь. Тупая злоба правителей придралась къ этому невинному, чуждому политики рабочему. Не удивительно, что Васильевъ все время умолялъ начальство сжалиться надъ нимъ, „не губить" его, просилъ у царя милости.

Милости этой, однако, у царя не нашлось, и Васильевъ былъ казненъ.

Привезли ихъ отдѣльно и въ крѣпости держали врозь. Гершковичу не говорили, что его везутъ на казнь, и въ эту ночь онъ казни не ждалъ. Онъ нѣсколько удивился, увидавъ часа въ 4 ночи около своей койки прокурора, а за нимъ палача въ красномъ. Но, сообразивъ, въ чемъ дѣло, онъ быстро оправился и гордо, отважно пошелъ навстрѣчу эшафоту.

Стоя въ саванѣ, онъ спокойно слушалъ томительное чтеніе приговора. Когда оно кончилось, онъ, точно съ трибуны, окинулъ всѣхъ презрительнымъ взглядомъ и сказалъ: „Вы собрались смотрѣть, какъ я буду умирать? Смотрите, — я спокоенъ... Я умираю за свободу..."

— Палачъ, кончать!—крикнулъ комендантъ.

Произошло замѣшательство. Обращенія съ эшафота никто не предвидѣлъ, а допустить такое отступлене нельзя было. Палачъ накинулъ саванъ, потомъ петлю, выбилъ доску, раздался не то крикъ, не то стонъ, и тѣло въ саванѣ закачалось. Оно билось долго. Особенная ли жизненность молодого организма, или петля опять была плохо накинута, но когда Гершковича черезъ 30 минутъ вынули изъ петли, въ немъ еще теплилась жизнь. Крѣпостной врачъ, подойдя къ трупу и выслушавъ сердце, конечно, сдѣлалъ знакъ, что „все благополучно"—можно хоронить! Но когда начальство удалялось съ мѣста казни, жандармы слышали, какъ врачъ говорилъ коменданту: „Собственно говоря, сердце еще слегка билось".

Ни одна казнь не произвела на жандармовъ такого потрясающаго впечатлѣнія какъ эта казнь Гершковича. Было, по ихъ словамъ, что-то особенное въ этомъ юношѣ, котораго они иначе не называли, какъ „герой". Особенно ихъ потрясли его слова съ эшафота. Всѣ передавали эти слова съ той же удивительной точностью: очевидно они глубоко врѣзались въ эти простыя души.

Ночь надвигалась все дальше и дальше, поѣздъ громыхалъ, а мы съ затаеннымъ волненіемъ жадно вслушивались въ скорбную повѣсть шлиссельбургской лѣтописи...

